

После наступления темноты большая часть людей в трактире явно стала необычной. Бай Цзюли, хозяйка трактира, потеряла свою душу. Она несколько раз поднималась наверх и остановилась, когда дошла до лестницы третьего этажа. Наконец, она не стала подниматься. Когда она дошла до Куайцзы, улица была на удивление тихой, но силуэты были повсюду.

В пятый раз она не выдержала и собралась подняться наверх. Позади нее шли по меньшей мере дюжина трактирщиков и несколько человек, остановившихся в лавке.

"Господин?"

осторожно спросила Бай Цзюли у лестницы: "Вы заснули? Мы... мы хотим кое-что спросить у Его Святейшества".

Дверь комнаты монаха со скрипом открылась, и монах в белом монашеском одеянии подошел к двери, посмотрел на людей и улыбнулся: "В чем дело?"

Бай Цзюли оглянулся на своих спутников, стиснул зубы и сказал: "Несколько друзей почтенного, не могли бы вы сегодня покинуть постоянный двор?"

"Почему?"

"Государь также видел, что сегодня ночью на улице не спокойно".

"Значит, вы должны отказаться, когда войдете".

Монах посмотрел на людей: "Вернитесь назад, ваши лица немного уродливы".

Кто-то протиснулся сзади и сказал вслух: "Кто эти твои друзья? Почему они стали такими страшными в городе Галуо. Мы жили здесь по-хорошему, не провоцируя добро и зло, но вы приходите, добро и зло приходят сейчас. "

"Поторопитесь."

"Люди королевства Куо Луо находятся снаружи. Как только они войдут, вы все знаете, каковы будут последствия. Люди Секты Чжэнчэн не имеют смысла, они думают, что тот, кто не существует, должен исчезнуть. Этот город Гаулуо уже не тот Лу Луочэн, даже хозяин города не уверен в себе, мы просто хотим жить хорошо. "

Дверь Аньчжэна открылась, он вышел и стоял, глядя на этих людей: "Вас тоже называют живыми?"

Все на мгновение замерли, а человек, говоривший до этого, закричал на Ань Чжэна. В этот момент его лицо треснуло, и показался большой рот с кровью, который, казалось, мог в любой момент проглотить Ань Чжэна.

Аньчжэн лишь слегка покачал головой: "Вас уже однажды убили, так что в вашем сердце столько страха, что даже сейчас вы не смеее сопротивляться. Вы сказали, что просто хотите жить хорошо, монах не спрашивает, но я хочу спросить. Спроси. "

Ань Чжэн сделал шаг вперед: "Откуда взялась ваша живописная кожа?"

Лица людей резко изменились, а некоторые подсознательно отступили назад.

На улице раздался шум, похожий на вой. Странная тишина, которая была до этого, исчезла, и

казалось, что бесчисленные спрайты собираются с бесчисленных сторон. Монах подошел к окну и выглянул, а затем в мгновение ока исчез.

В следующую секунду монах появился на крыше гостиницы. Он протянул руку и втянул в себя воздух, после чего там расцвел белый лотос. Когда белый лотос расцвел, он испустил святое сияние и окутал весь трактир. Звук плачущего волка снаружи внезапно прекратился, вскоре послышался шепот, но ничего не было слышно.

Аньчжэн взглянул на этих людей: "Не раздражайте меня, или вы должны умереть раньше тех тварей снаружи".

Глаза Бай Цзюли замерцали, и она посмотрела на Аньчжэна, с красной вспышкой в глазах.

"Самонадеянно".

Фиолетовая звезда в левом глазу Аньчжэн быстро вращалась. Бай Цзюли вскрикнула и полетела назад, сильно ударившись спиной о пол следующего этажа, прямо на пол и упала на первый этаж. На ее теле зажглось лавандовое пламя. Через некоторое время кожа картины была начисто сожжена. Она выглядела так уродливо, словно лиса с содранной кожей, и больно ударилась о землю. Завывая, она корчилась взад и вперед.

Увидев эту сцену, люди так испугались, что их лица изменились, и они все отступили.

Ань Чжэн сказал: "Я кое-что знаю об огненном танце Калу. Она выглядит так, будто совершила доброе дело, забрав к себе одинокие души и призраков. Но на самом деле она лишь удовлетворяет извращенную доброту в своем собственном сердце.

Вы существуете, сколько людей в этом городе Гаулуо жили в более спокойные дни, чем раньше? Не говоря уже о тех из вас, кто не является влиятельным, даже если танец Gauluo в, я могу позволить его перед ней Вы все уничтожены. "

Похожий на лису Бай Цзюли **** от боли поднялся и опустился на колени на непобедимую голову, не в силах издать ни звука, но моля о пощаде. Когда Ань Чжэн повернулся и взмахнул рукавами, сиреневое пламя на Бай Цзюли исчезло. Бай Цзюли, лежавший на земле, облегченно вздохнул, глаза его стали пустыми.

Ань Чжэн вернулся в комнату и стоял там, ожидая, когда он вернется, одетый.

"Что происходит в этом месте?"

"Здесь трещина, и я не знаю, почему монах хочет, чтобы мы встретились здесь. Он не говорил этого до сих пор, а меня нелегко спросить. Просто у такого человека, как он, раз он попросил нас прийти сюда, должно быть что-то серьезное. Скажем, может быть, сейчас просто неподходящее время. "

"Трещина?"

Цю Люси взяла Ань Чжэна за руку и села: "Я все еще не понимаю".

Ань Чжэн объяснил: "Помнишь, когда я встретил демона меча, кто-то открыл трещину в **** и мире, и вещи в **** могут быть просверлены снизу через трещину. Но они не могут существовать на солнце, только Способ - скрыть солнце от раскрашенной кожи. Нарисованная кожа - это просто эвфемизм, короче говоря, это надеть человеческую кожу. Многие люди здесь

на самом деле не живые существа, все они должны умереть в руках подлинного Чэнцзуна. Владыка города Галу Огненный Танец спас их, но люди Секты Чэнцзун должны обладать определенной степенью силы из ада, поэтому эти люди даже не могут войти в реинкарнацию, и они могут только выглядеть живыми в этом городе Галур . "

"Когда Чжэн Чэнцзун сделал это, разве он не боялся буддизма?"

"Весь Западный регион, например, Куо Луогуо, не является экстремальной страной. Буддизм не будет спрашивать, потому что любая религия хочет, чтобы такие экстремальные верующие существовали.

Не только буддизм, потому что это Западный регион, поэтому буддизм находится на столешнице. То же самое и в других местах, а также среди даосов. "

Сюйси покачал головой: "Я не понимаю, и не хочу понимать".

Ань Чжэн потрепал ее по волосам: "Спи хорошо, сегодня ночью будет не слишком спокойно".

Он накрыл одеяло, аккуратно оделся, спустился с третьего этажа и сел в холле на первом. Трактиры остались далеко, и Бай Цзюли некуда было идти. Ань Чжэн взял у старого евнуха меч Тянь Ту и положил его на стол. Длинный меч жужжал, и казалось, что в любой момент он должен был выпасть из ножен.

Соперник Ан прикрепил ножны: "Моцзи..."

Тянь Ту Цзянь произнес лязг, казалось, не в силах подавить убийственное намерение.

Дверь со скрипом отворилась, и внутрь вошел красивый молодой человек. За ним следовали семь или восемь мужчин в золотых одеждах, каждый из которых носил маску. Молодой человек также нес рядом с собой женщину, на вид ей было восемнадцать или девятнадцать лет, и она обладала злой красотой. Когда она увидела Аньчжэна, ее глаза задвигались, и она казалась весьма заинтересованной.

После того как молодой человек вошел, он посмотрел на Ань Чжэна довольно презрительным взглядом.

"Чжунъюаньцы, неудивительно, что мои мелочи начали беспокоиться".

Он прошел через Ань Чжэна и сел, положив складной веер в руке на стол. Тянь Ту Цзяньчжэн издал тихий звук, и веер раскрылся с треском, меч и веер, казалось, были диаметрально противоположны в этот момент.

Молодой человек, казалось, удивился, посмотрел на Тянь Ту Цзяньчжэня, а затем мановением руки дал знак, чтобы его женщина пришла с ним: "В любом случае, это гость издалека. Подай гостю вино, которое я принес, и всегда старайся не пренебрегать им. "

Женщина улыбнулась, достала кувшин с вином и поставила его на стол. Молодой человек слегка улыбнулся: "Возможно, вы не знаете, что это за вино. Я представлю его вам. Это вино - мое оригинальное творение. Я дал ему название "Цюнцзянское нефритовое варево".

Я не знаю, видели ли вы, чжунъюаньцы, технику приготовления лекарства бессмертия. Мой нефритовый напиток делается из разложения жадеита, который добавляется в прекрасную тяньшаньскую родниковую воду. Вкус получается уникальный. Обычные люди пьют его Если

выпить его, можно увеличить свою жизнь, а если выпить его, можно улучшить культивацию. "

Ань Чжэн улыбнулся и обернулся, чтобы поприветствовать: "Толстяк, спускайся, чтобы выпить".

Ду Шоушоу спустился с третьего этажа и небрежно сел рядом с Ань Чжэном. Он взглянул на молодого человека, а затем понюхал вино: "Кажется, все в порядке".

Молодой человек слегка улыбнулся: "Боюсь, что вы не пили его раньше, но крепость этого вина немного сильнее, пейте меньше".

Ду Шоушуан нахмурился: "Это вино не очень хорошее, и никто больше не может его пить".

Лицо молодого человека изменилось.

Женщина, стоявшая рядом с ним, нахмурилась: "Вы, жители Центральных равнин, умеете только хвастаться. Это горшок хорошего вина, которое можно превратить в сто восемь эликсиров Куйпин. Он стоит очень много. А вы говорите, что оно не очень хорошее". Люди рассмеялись. Я только знаю, что у вас, жителей Центральных равнин, самое лучшее вино, и они, очевидно, должны его поддерживать. "

Аньчжэн проигнорировал его и оглянулся на напуганных иннов в углу. "Позволят ли они им поджарить несколько блюд?"

Ду Шоушоу покачал головой: "Как можно готовить такую еду, как вино и вино слишком поздно, давайте поговорим об этом, мы, чжунъюаньцы, можем справиться и с выпивкой, арахиса вполне достаточно".

Ань Чжэн: "Ты принес арахис?"

Ду Шоу Тонкий покачал головой: "Нет, кто бы ни взял эту штуку случайно".

Он достал из космического корабля очень большую нефритовую бутылку, открутил крышку и вылил ее на стол, а из костей выкатилось по меньшей мере несколько сотен красных лекарств: "Хотя эта штука не очень вкусная, просто съешь ее." , Всегда лучше, чем вино, конечно, не так хорошо, как приправленный арахис. "

Он взял в рот черпак, прожевал и сделал глоток вина носом: "Нехорошо пить. Не говорите мне пить в следующий раз. Даже красное лекарство Все испорчено, не говоря уже об арахисе? "

Он поднялся и, казалось, не испытывал никакой нужды в панацее, стоявшей на столе.

Ань Чжэн пожал плечами и извиняюще сказал: "Мне очень жаль. Мой друг - натурал, и он совсем не разговаривает. Но это не может винить его во всем. У нас давно не было такого плохого вина. Кстати, почему бы вам не попробовать эти бобы? Хотя они не могут сравниться с арахисом, но вкус неплохой. "

Лицо молодого человека посинело, и он со щелчком похлопал по столу. Красный эликсир на столе затрясся, и несколько штук закатились под стол.

Ань Чжэн взглянул на несколько эликсиров и негромко сказал: "Если он упадет на пол, наверное, я буду сердиться?".

Молодой человек не шелохнулся, а женщина быстро протянула руку и нажала на зелье: "Все люди - друзья, даже если встречаются впервые. Зачем беспокоиться?"

Молодой человек фыркнул, встал и отвернулся.

Женщина подняла руку, держа зелье, и понюхала его, затем достала золотой шелковый платок и вытерла руки: "Мне очень жаль, я отвернусь и буду мешать".

Ань Чжэн собрал красные лекарства одно за другим и выбросил их за дверь.

<http://tl.rulate.ru/book/11864/2197807>